

Исследование отношения российских подростков к буллингу и кибербуллингу

2019

Оглавление

Обзор литературы и исследований буллинга в социальных науках	2
Роли участников	3
Кибербуллинг	5
Программы для профилактики буллинга в школах	8
Исследования ценностей подростков и молодежи в России	9
Анализ эмпирического материала по результатам трех фокус-групп, посвященных буллингу	12
Ценности российских подростков: страна и личность	12
<i>Страна</i>	12
<i>Ценности страны</i>	13
<i>Личные ценности</i>	13
Буллинг глазами подростков	14
<i>Агрессор</i>	14
<i>Жертва</i>	15
<i>Роль свидетеля</i>	16
<i>Кибербуллинг</i>	16
Нарративы о личном переживании буллинга	17
<i>Причины</i>	17
<i>Взрослые в нарративах о травле</i>	18
<i>Респонденты как агрессоры</i>	19
<i>Завершение ситуации травли</i>	19
Исследовательская рефлексия	20
Литература	25

Обзор литературы и исследований буллинга в социальных науках

Явление буллинга (или травли) возникало во все времена существования человечества, по крайней мере, исследователи находят описания подпадающих под его определение ситуаций в самых ранних письменных исторических свидетельствах (Allanson, Lester et al, 2015). Современный период научного и общественного обсуждения проблемы буллинга начинается в поздние 70-е, с подачи норвежского психолога Дэна Ольвеуса. Он организовал первые масштабные исследования школьной травли, и в 1973 опубликовал книгу «Aggression in the Schools: Bullies and Whipping Boys» («Агрессия в школе: булли и мальчики для битья») (A Brief History of the Olweus Bullying Prevention Program).

Ольвеус предложил определение буллинга, ставшее классическим. Он подчеркивает, что не каждый случай интерперсонального негативного взаимодействия является буллингом, но те случаи, которые соответствуют трем критериям одновременно: 1) целенаправленное агрессивное поведение, 2) которое повторяется или растянуто во времени, 3) происходит в условиях дисбаланса власти (агрессор сильнее, либо обладает большими ресурсами/большим влиянием/властью) (Olweus, Limber, 2010). Буллинг может возникать в любых коллективах, особенно закрытых (Бочавер, Хломов, 2014), однако в большей степени обсуждаются его проявления в школах. Согласно некоторым исследователям, дети и подростки наиболее подвержены травле, причем пик распространенности буллинга приходится на 12-15 лет, а к моменту выпуска из школы постепенно снижается (Menesini, Salmivalli, 2017).

Существуют сложности с оценкой распространенности буллинга из-за того, что не разработано единой методологии его измерения. Систематические обзоры исследований показывают, что в некоторых случаях распространенность оценивают с помощью одного вопроса, а в некоторых – двух или более, и что методика влияет на результат. Некоторые исследования включают термин и даже определение «буллинг» в исследовательский инструмент, а некоторые – нет. Для того чтобы считать респондента вовлеченным в ситуацию буллинга, часть исследователей находят достаточным подтверждение хотя бы одной ситуации, в то время как другие исследователи классифицируют как буллинг только ответы «часто», «2-3 раза в месяц», и так далее. (Zych et al, 2017, с. 9-10). Таким образом, разные исследования показывают большой разброс оценок масштаба явления. Ориентируясь на метаанализы, можно сказать, что в мире примерно 35% детей и подростков оказываются вовлеченными в травлю – как и в качестве жертв, так и в качестве агрессоров. В России с буллингом регулярно сталкивается 27% школьников (Новикова, Реан, 2019).

Буллинг и агрессивное поведение в школе связано с использованием гомофобных оскорблений и шуток среди школьников, причем эта связь сильнее для мальчиков, чем для девочек. Предвзятости по поводу гомосексуальности также позитивно связаны с буллингом, но эта связь выявляется только среди мальчиков. Авторы исследования, проведенного в США, указывают на то, что в их выборке больший уровень предвзятости и использования гомофобных оскорблений, а также ситуаций буллинга показали учащиеся средних классов, в то время как в старших классах эти показатели ниже. В качестве возможного объяснения авторы указывают на то, что ЛГБТ+ подростки все чаще совершают камин-аут в старших классах (в то время как в средней школе таких случаев меньше), и что личное знакомство с

ЛГБТ+сверстниками приводит к уменьшению количества предрассудков среди школьников (Poteat, DiGiovanni, 2010).

Роли участников

Традиционно в ситуации буллинга выделяются три основные роли участников: жертвы, преследователи (в разных вариантах обозначения – агрессоры или «булли»), а также свидетели (Бутенко, Сидоренко, 2015). Существуют многочисленные попытки создать обобщенные портреты людей, наиболее часто оказывающихся в одной из представленных ролей. Роль «жертвы» характеризуется повышенной тревожностью персоны, замкнутостью и застенчивостью. Жертвами чаще всего становятся люди, имеющие любые особенности – физические или психологические, социальный статус, раса или национальность, отличные от доминирующих в данном коллективе/сообществе. Агрессоры характеризуются средним уровнем тревожности, потребностью в доминировании и самоутверждении. Среди свидетелей могут оказываться люди с совершенно разными характеристиками, так что их роль считается сложной для обобщенного описания. Тем не менее, свидетели являются важной частью системы буллинга, от их реакций и действий зачастую зависит динамика ситуации (Собкин В. С., Смылова, 2014, Бутенко, Сидоренко, 2015).

Ситуация буллинга оказывает как временное, так и долгосрочное негативное влияние на всех участников. Разумеется, больший ущерб получают «жертвы» - травля ассоциирована исследователями с такими последствиями как тревожность, депрессия, самоповреждение и суицидальность, проблемы со сном, ментальными расстройствами. Однако агрессоры также испытывают множество негативных эффектов – среди них низкая успеваемость, повышенный риск депрессии у мальчиков и мужчин, самоповреждение, суицидальность, насильственное поведение в будущем,

вовлеченность в криминальные действия, наркозависимости и так далее (Rigby, 1999; Carlisle, 2007; Wolke, Lereya, 2015).

Небольшая часть «жертв» буллинга совмещает свою роль с ролью «агрессора», являясь, таким образом, «жертвой-агрессором». Они подвергаются травле сами и при этом травят других одновременно. Выделение и описание таких случаев несколько затруднено, но они также связываются с похожим набором негативных последствий в будущем (Smokowski, Kopasz, 2005, Hinduja, Patchin, 2010).

«Свидетели» являются самой большой группой участников буллинга, и они также испытывают на себе негативные эффекты ситуации (Vanderbilt D., Augustyn, 2010). Свидетели могут занимать различные позиции: активно поддерживать агрессора, поддерживать высмеивание жертвы позитивной реакцией, пассивно наблюдать за травлей, выступать с поддержкой жертвы. Случаи прекращения травли благодаря вмешательству свидетелей-сверстников довольно редки, тем не менее, распространенность буллинга выше в тех школах, где свидетели склонны поддерживать травлю или игнорировать ее, и ниже в тех, где свидетели готовы вступить за жертву. Выбор свидетелями модели поведения в тех случаях, когда они считают травлю неприемлемой, зависит от их чувства самоэффективности. Те свидетели, которые не ощущают своей возможности влиять на ситуацию, чаще остаются пассивными наблюдателями (Thornberg R., Jungert, 2013).

Случаи «школьных стрелков», когда учащиеся приходили в школу с оружием и пытались убить или убивали своих одноклассников и учителей ассоциируются исследователями с высоким уровнем буллинга в школе. Школьные стрелки чаще всего были жертвами буллинга в своей школе (Crawford, 2002; Reuter-Rice, 2008; Gray, 2019, с. 157), и, хотя это нельзя назвать причиной совершенного преступления, травля вписывается в общий

неблагоприятный и насильственный контекст, имеющий вполне реальные и трагические последствия (Sommer, Leuschner, 2014).

Кибербуллинг

Кибербуллинг – любое повторяющееся агрессивное или враждебное поведение, нацеленное на причинение вреда и дискомфорта человеку, выражающееся с помощью передачи и распространения агрессивных сообщений в интернете или по мобильной связи через компьютеры и другие электронные девайсы (Olweus, 2012). Кибербуллинг отличается от традиционных видов буллинга в нескольких чертах: один и тот же инцидент может повторяться, если опубликованный в интернете пост просматривают и распространяют разные люди в течение продолжительного времени, либо сообщение пересылается массово (Waasdorp, 2015). Еще одним важным отличием являются более широкие возможности для сохранения анонимности агрессора/агрессоров: жертва может не знать, кто именно распространяет информацию. Чем более человек уверен в собственной анонимности, тем выше вероятность того, что он может решиться на кибербуллинг (Barlett, 2016). В отличие от традиционных форм буллинга, происходящих в школе, жертва не может «спрятаться» от происходящего дома, ситуация перестает быть ограниченной территориальными рамками. Девушки чаще подвергаются кибербуллингу, чем юноши, и риск развития депрессии в их случаях выше (Waasdorp, 2015).

Несмотря на существование большого количества научных работ о кибербуллинге на русском языке, многие вопросы остаются недостаточно проработанными. Так, не было обнаружено актуальных статистических данных, соответствующих критериям научности, которые показывали бы распространенность явления в России. Ряд исследователей ссылаются на статью Зинцовой, в которой говорится, что с кибербуллингом в России

сталкивается каждый третий ребенок, но эти цифры подкреплены только ссылкой на журналистскую заметку в «Российской газете» без указания на конкретный источник информации (Зинцова, 2014). В 2011 году было проведено комплексное исследование онлайн-социализации российских детей и подростков от 9 до 16 лет, которое показало, что в среднем 23% детей, пользующихся интернетом, подвергаются травле оффлайн и/или онлайн. (Солдатова, Зотова, 2011). Исследование московских подростков 11-16 лет, проведенное в 2018 году, говорит, что 70% их респондентов сталкивались с кибербуллингом (Хломов, Давыдов, Бочавер, 2019). Данные опроса подростков Нижнего Новгорода в 2017 показывают неоднозначные результаты – в зависимости от интерпретации, подвергающимися кибербуллингу можно считать от 4% до 39% респондент_ок. Широта этого интервала отсылает нас к проблеме, на которую указывают Ольвеус и Лимбер: «...Эмпирические исследования... использовали совершенно разные способы измерения явления. Отсюда озадачивающий интервал оценок распространенности кибербуллинга, варьирующий от 3-4% до 40%, причем некоторые исследования дают оценки в 50% или даже выше» (Olweus, Limber, 2010). Ученые связывают это с недостаточной проработкой исследовательских инструментов, которые по-разному описывают ситуации кибербуллинга и не дают респондентам четкого понимания того, о каком явлении идет речь. Таким образом, иногда к понятию кибербуллинга ошибочно относят любые формы негативных или агрессивных взаимодействий в сети. Кибербуллинг целесообразно рассматривать как часть комплексной проблемы буллинга (там же).

Кибербуллинг также связывается с негативными последствиями для здоровья и благополучия жертв и агрессоров, включая повышенный риск суицидальности (Hinduja, Patchin, 2010).

В российских исследованиях прослеживается отдельная тенденция, которую можно назвать развитием моральной паники вокруг буллинга и кибербуллинга. В качестве решения проблемы предлагается усиление родительского и учительского контроля над подростками, а также используется дискурс обвинения жертвы – в фокусе исследователя оказывается «нежелательное поведение» подростка в сети, которое «вызывает» ситуацию кибербуллинга: «49% подростков сделали публикацию в Интернете, о которой пожалели. 45% подростков поменяли бы стиль своего поведения в Интернете, если бы знали, что их контролируют родители. К сожалению, всего 15% родителей отслеживают местоположение своих детей-подростков, используя средства геолокации на мобильных устройствах» (Коповая, 2016).

В рамках данного подхода родители становятся единственными акторами, способными влиять на ситуацию, а авторитарный стиль родительства называется предпочтительным для обеспечения безопасности детей-«объектов»: «В качестве превентивных мер предлагаются следующие: ...поощрять родителей, которые считают обычной практикой проверку текстовых сообщений и фотографий на мобильных телефонах подростков; информировать родителей о доступных услугах, о различных типах программного обеспечения для мониторинга и инфо-фильтров» (Макарова, Макарова, Махрина, 2016). Таким образом, игнорируя комплексный характер кибербуллинга и его связь с отношениями власти в подростковом коллективе, авторы предлагают бороться с видимыми симптомами, оставляя за скобками причины и субъектность самих подростков.

Программы для профилактики буллинга в школах

В мире разработано и используется множество различных программ по противостоянию буллингу в школе. Канадская «Steps to Respect» (Brown ,

2011), финляндская «KiVa», реализуемая через онлайн-игры и уроки для школьников (Salmivalli, Kärnä, 2011), и другие - активно исследуется в разных странах мира более сорока программ (Farrington, Ttofi, 2009). Самой известной считается система Ольвеуса («The Olweus Bullying Prevention Program»), введенная в норвежских школах в 1983 году, после трагедии с самоубийствами школьников. Программа основана на работе со всем школьным окружением – ученики, родители, учителя, административный персонал школы, служебный персонал (от библиотекарей до охранников) – каждый человек, задействованный в школьном процессе, получает знания и навыки, необходимые для распознавания и прекращения буллинга. Для учащихся регулярно организуются специальные встречи и круглые столы, посвященные обсуждению буллинга, рекомендовано также создание специального совета учащихся, который может вносить предложения о том, как наилучшим образом создавать для всех учеников комфортные условия, способствующие здоровой атмосфере в коллективе (брошюра «Why the Olweus Bullying Prevention Program Works»).

Программа Ольвеуса на данный момент является самой изученной, и по результатам исследований показывает стойкое снижение случаев буллинга на 30-50% (Nansel, Tonja R., 2001, Solberg, Mona, 2003, Olweus, 2005). Тем не менее, существует и критика программы Ольвеуса – так, ирландский психолог Минтон говорит о том, что эффективность программы часто завышается – метаисследования показывают снижение буллинга на 17-23% с вариабельностью для разных возрастных групп школьников (Ttofi, Farrington, 2011). Минтон также обращает внимание на индивидуалистический подход программы Ольвеуса, который не учитывает социальный контекст среды, делающий особенно уязвимыми для буллинга «меньшинства». Большинство исследований буллинга и эффективности программ снижения не учитывают

специфику гомофобного буллинга, травли людей, принадлежащих к этническим меньшинствам, людей с инвалидностями, представителей субкультур. Предрассудки и дискриминация не учитываются как один из предикторов травли в большинстве масштабных исследований, в то время как принадлежность к «меньшинствам» значительно увеличивает вероятность травли. Минтон предлагает дорабатывать программы снижения буллинга, учитывая вышеописанные факты (Minton, 2014).

Исследования ценностей подростков и молодежи в России

Примерно с середины 2011 года российское государство берет новый курс в политике, нацеленный на укрепление «традиционных ценностей». По итогам изучения исследований, посвященных ценностям молодежи в России, мы вынуждены констатировать, что наличие сильного провластного дискурса влияет на динамику исследований в данном случае. Многие исследования по теме содержат формулировки, которые заставляют предположить наличие у автора определенной ангажированности: *«Известно, что наибольшая сензитивность к развитию таких качеств, как преданность, верность своему государству проявляется в подростковом возрасте и ранней юности»* (Петронюк, 2015). Многие исследования делают акцент на семейных ценностях: *«К числу главных жизненных целей наших респондентов... были отнесены такие, как: создать счастливую семью и воспитать хороших детей. Нас радует этот выбор, мы также считаем, что создать счастливую семью, сохранить ее на протяжении длительного времени и воспитать в семье хороших детей – это залог дальнейшего существования и процветания не только конкретной страны»* (Бурилкина, Каминский, Супрун, 2016).

Исследование, посвященное социализации современных российских подростков, определяет их особенности следующим образом: социальная среда подростков во многом определяется сочетанием «виртуального»

(интернета) и «реального», которые больше не разделены и не противопоставлены друг другу, а образуют единое пространство. Роль семьи в процессе социализации снижается – родителям сложно ориентироваться в «новой» реальности, и их позиция не может быть авторитетной. Для подростков значимы макрофакторы (войны, экология, глобальные катастрофы, болезни). Значимы ценности семьи, здоровья и любви (Рослякова, Пташко, Черникова, 2018).

Наиболее важными в сфере изучения российской молодежи и подростков исследованиями мы считаем работы Центра Молодежных Исследований. Рисуя портрет поколения молодежи «двухтысячных», исследователи акцентируют внимание на следующих аспектах: при жизни этого поколения в стране не было сменяемости власти, в период их ранней молодости были возрождены советские практики военно-патриотического воспитания школьников – «Юнармия». События 2011-2012 года (протесты в Москве) исследователи характеризуют как одно из ключевых в формировании «поколенческой травмы» - ощущение бессилия и невозможности изменений. Более консервативная молодежь отчасти разделяет государственный дискурс о «внешнем враге» и необходимости сохранения уникального российского духа, но в большей степени понятие патриотизма и традиционности получает различные интерпретации (Омельченко, 2019). Е. Омельченко также называет патриотизм молодежи «патриотическим» - высказывания о патриотизме остаются заученными штампами, не имеющими связи с реальным побуждением «защищать» страну или даже жить в ней (цитата по интервью, Галыкина, 2015). Исследователи также констатируют спад националистических настроений, полную включенность в цифровые коммуникации, отсутствие привязки к одному месту работы, неприятие дисциплины и иерархичности, высокую ценность толерантности (Омельченко, 2019).

Анализ эмпирического материала по результатам трех фокус-групп, посвященных буллингу

Для сбора эмпирической базы использовался метод фокус-группы. Три фокус-группы были проведены в промежуток с 5.07.2019 до 12.09.2019 в Екатеринбурге (10 респондент_ок, продолжительность – 3 часа), Томске (7 респондент_ок, продолжительность – 3 часа) и Новосибирске (13 респондент_ок, продолжительность – 2 часа 45 минут). Респондент_ки отобраны по принципу доступной выборки, возраст респондент_ок – от 16 до 20 лет.

Ценности российских подростков: страна и личность

Страна

Говоря о поводах для гордости своей страной, респонденты Томска и Екатеринбурга сходятся в том, что для них значим размер страны, природа и ресурсы. Большое значение также играет культура (искусство, традиции, отдельные поэты, музыканты, писатели) и история. Гордость могут вызывать качества, которые респонденты приписывают россиянам – отзывчивость, взаимопомощь, равнодушие. В Томске и Новосибирске появляется также тема войны. Интересен пример Новосибирска, в котором гордость за военные события, в которых участвовала страна, раскрывается через мотив «защиты». Россия, по мнению респондентов, «не агрессор», а защитник, который помогает и другим странам. Это пересекается с идеей гордости за ветеранов, Великой отечественной войной и героизмом.

Фокус-группа Томска отличается от Новосибирской и Екатеринбургской трактовкой «уникальности» страны. Томские респонденты на вопрос об уникальности говорят в основном о том, что они считают

недостатками (отсутствие толерантности и демократии, несменяемость власти, несправедливое распределение ресурсов), выстраивая «уникальность» в основном через негативное. Можно предположить, что это связано с бэкграундом респондентов – только в этой группе респонденты много говорят о собственном активистском и волонтерском опыте, они нацелены на проблемы и более осведомлены о них.

Тем не менее, на прямой вопрос о том, что в стране хотелось бы изменить, респонденты всех трех групп дают похожие ответы – коррупция, несменяемость власти, система образования, отсутствие демократии, безработица, низкие зарплаты. В Томске и Екатеринбурге говорится о необходимости толерантности – к ЛГБТИК+, нетитульным национальностям, людям с инвалидностями и ментальными расстройствами. Новосибирская группа уделяет этой теме гораздо меньше значения, упоминается только необходимость терпимости к субкультурам.

Ценности страны

Респондентам был задан вопрос о том, какие ценности для страны они хотели бы видеть значимыми. Для Екатеринбурга лидирующими оказались ценности толерантности, уважения и честности, для Новосибирска – толерантность и борьба с коррупцией. Томск выделяется тем, что наиболее значимыми оказались борьба с коррупцией и экономический рост, в то время как толерантность практически не представляет ценности для страны, по мнению респондентов. Здесь может наблюдаться методологическая ошибка – возможно, респонденты могли не понять вопрос, и отметить те ценности, которые кажутся им значимыми для страны сейчас, а не те, которые они *хотели* бы видеть в своей стране, поэтому интерпретация результатов затруднена.

Личные ценности

Группы Томска и Екатеринбургa оказались практически солидарны друг с другом в выборе личных ценностей. Три основные значимые ценности для них – толерантность, ненасилие и защита других, а также личный интеллектуальный рост и развитие. Новосибирск также выбирает толерантность и ненасилие, однако более значимой, чем интеллектуальный рост оказывается родительская семья. В Томске и Екатеринбурге «родительская семья» оказалась в антирейтинге – ее не выбрал ни один респондент.

Тем не менее, тема семьи возникает в каждой из трех групп так или иначе, но более ценной оказывается «собственная» семья – создание стабильных отношений, рождение детей. Семья должна перестать быть патриархальной, но должна быть «крепкой»: *«Чтобы культивировалось понятие семьи и как она должна, чтобы учили прям строить правильно семьи, чтобы женились и на всю жизнь»*. Семья – источник поддержки и близости: *«у меня есть собственная семья и я стремлюсь, что меня поддерживают, ценят и поддерживают всячески»*.

Наименьшую ценность для респондентов представляет религиозность, скромность и гордость собственными достижениями (эти пункты не были выбраны ни в одной из трех групп).

Буллинг глазами подростков

Агрессор

Отвечая на вопрос о том, как они определяют термин «травля» или «буллинг», респонденты всех трех групп точно формулируют ключевые особенности явления, указывая на системность агрессии, психологическую и физическую составляющую буллинга, описывая возможность травли как со стороны одного человека, так и группы. Респонденты отличают ситуации

простого конфликта от буллинга, определяют травлю как насильственные действия, указывают на ее деструктивный и опасный характер. Образ агрессора/агрессоров конструируется следующим образом: агрессоры имеют некоторые психологические проблемы, ответственность за которые возлагается респондентами в основном на семью – неблагоприятная, насильственная атмосфера в семье приводит к переносу подобного поведения в учебный коллектив. Агрессор стремится «возвыситься» и «самоутвердиться» над жертвой, либо избежать травли сам, переводя внимание на жертву. Другой вариант – страх агрессора перед «непонятым» и не укладывающимся для него в «норму». Агрессор обладает властью и авторитетом в коллективе, однако он может быть агрессором и по причине зависти к жертве. Описывая агрессора, респонденты приписывают ряд качеств, принадлежащих ему имманентно – то есть, в основном конструируется не ситуация, в которой человек становится агрессором, но именно принадлежащие ему по умолчанию качества, свойственные по его природе.

Жертва

Образ «жертвы» описывается в эпитетах «слабости» и «уязвимости». При этом мотив обвинения жертвы отсутствует явно, но все же ответственность жертвы за травлю проскальзывает в отдельных высказываниях – например, жертва может быть «какая-то не такая», у нее есть «негативные черты». В отдельных случаях жертва может «хотеть, чтобы ее травили» или «сознательно навлекать на себя травлю из-за ненависти к себе».

Жертвы, по мнению респондентов – это дети или подростки, имеющие «отличия». «Отличающимися» в основном маркированы маргинализованные по тем или иным признакам группы людей – люди с инвалидностями,

ментальными особенностями, ЛГБТИК+персоны, полные люди, представители нетитульных этничностей и так далее. Отдельной группой стоят противоположные признаки, которые в равной степени могут стать «причиной» травли в случае их крайней выраженности – отличники или двоечники, очень бедные или очень богатые, очень активные или наоборот – тихие, замкнутые «интроверты». Люди, относящиеся к субкультурам (кей-поп, эмо и т.д.), публичные люди тоже могут подвергаться травле. Отдельно указывается на роль сексизма и гендерной нормативности в травле девушек и юношей с некомформными увлечениями или внешностью.

Роль свидетеля

Рассказывая об опыте вмешательства в травлю, защиты со стороны наблюдателей, респонденты говорят о том, что вступившийся рискует сам оказаться затравленным: *«За меня заступился только один человек, по итогу тоже на дно класса свалился этот человек»*. Ситуация буллинга нормализована – респонденты видят, что другие наблюдатели не предпринимают никаких действий, и боятся остаться в одиночестве, если поддержат жертву: *«Ты заступишься за него, и на тебя может обозлиться тоже весь класс. Вот поэтому, то есть ты лучше останешься в стороне, потому что понимаешь, что ты один не справишься, надо еще кого-то»*. Более активные респонденты сообщают о случаях, когда они все же вступались за жертв, объясняя это тем, что ощущение «ненормальности» происходящего пересиливало страх: *«И понимаешь, что сейчас ты пойдешь защищать, и ты тоже можешь попасть под эту гребенку, но ты все равно идешь и защищаешь, потому что ты понимаешь, что это не есть нормально»*. Подобная позиция свойственна только тем респондентам, у которых есть ощущение собственной силы и субъектности, чувства самоэффективности.

Кибербуллинг

Кибербуллинг, по мнению респондентов – зачастую более опасное явление, чем «традиционная» травля. От кибербуллинга нельзя спрятаться, нельзя «сменить школу», он чаще связывается респондентами с самоубийствами. Лишь в одном случае респондент говорит, что «традиционная» травля представляется ему более опасной: *«Вживую травля, я считаю, чисто для меня, это сильнее, чем травля в Интернете, потому что вживую, они тебе это в глаза говорят, они все окружают тебя. Ты чмо, ты это, ты говно, всякое такое. Они тебе в глаза говорят»*. Можно предположить, что это зависит от значимости интернета и соцсетей в жизни подростка или молодого человека, от уровня его вовлеченности. Для большинства подростков социальные сети и медиа все же являются значимой частью жизни, ничуть не менее реальной, чем физическое пространство.

Нарративы о личном переживании буллинга

Причины

Из собранного на трех фокус-группах материала было отдельно отобрано 27 нарративов о проживании опыта травли самими участниками – в роли жертвы либо близкого наблюдателя. Описывая свой опыт, подростки дают свою трактовку причинам, по которым травили их, либо их близких/одноклассников. Самым частым мотивом становятся видимые особенности внешности – в пяти случаях это полнота (все пять случаев – девушки), еще в пяти – другие физические особенности и инвалидность. Двое участников фокус-группы назвали триггером буллинга свою «смешную» для агрессоров фамилию, также среди причин – гендерно-некомфортная внешность, которая ассоциировалась у агрессоров с гомосексуальностью (*«Очень многие люди путали... Кто я, мальчик или девочка... Меня записали в лесбиянки, меня уже записали во всё, вот в это, это, да, как я одеваюсь, что я вообще, меня никто никогда не полюбит, и*

травлили»), принадлежность к этническому меньшинству и темный цвет кожи, бедность семьи, принадлежность к субкультуре, отказ заниматься сексом (*«У меня были отношения с молодым человеком с 10 по 11 класс. И однажды он начал ко мне приставать в грубой форме. А я ему отказала... начали дразнить меня, потому что он выставил так, что я сама к нему приставала, травля длилась очень долго, в все называли... Ну, извините за слово, проституткой»*). Во многих случаях респонденты испытывали чувство растерянности и обиды по той причине, что не могли найти объяснения тому, почему их травят: *«Раньше были ощущения, просто вопрос «Почему? Почему я?» я ничего не совершенно не делаю, я ни слова обидные не говорю этому человеку, я никак с ним не, я не знаю, даже коммуникации не происходит. Почему я?»*

Взрослые в нарративах о травле

Под «взрослыми» мы подразумеваем административный персонал школы, учителей, родителей и родственников. В большинстве прозвучавших историй взрослые не упоминаются в принципе, дети и подростки пытаются решить проблему напрямую друг с другом, либо остаются в ней, не видя путей решения. Из 22 описанных ситуаций переживания травли в качестве жертвы или близкого наблюдателя, взрослые как акторы появляются мимолетно только в 7 случаях. Все семь упоминаний вмешательства взрослых в ситуацию буллинга безрезультатны, либо ухудшают ситуацию. В большинстве случаев взрослый описывается как практически пассивный участник ситуации, который может участвовать минимально, но не спешит разбираться с ситуацией в целом, как в случае девушки, которая пыталась защитить одноклассницу от травли: *«У нее всегда эту канцелярию всегда отбирали в младших классах, когда начинался урок, я подходила и жаловалась учительнице, она поднимала всех, кто был задействован, я проходила, шарилась по портфелям, отбирала эту канцелярию»*. В ответ на

самозащиту сотрудники школы обвиняют жертву травли или вступившегося за него подростка: *«Меня потом за это приводили к заведующему по воспитательной работе: почему ты бьешь мальчиков?»*, и даже занимаются травлей учеников самостоятельно: *«Перевели в другую школу из-за того, что меня травлили не дети, а мой классный руководитель, она мне не давала проходу, она меня всячески могла обзывать»*.

Похожим образом выглядит и роль родителей: популярен мотив «мама приходила в школу» после того, как о травле становилось известно, без дальнейших описаний того, что именно происходило в этой ситуации, и без позитивного результата: *«Я противилась руками и ногами, даже беседа с классным руководителем, вот когда у меня мама пришла в школу, никак не поменяла ситуацию, она только усугубилась»*. В двух случаях родители перекладывали ответственность за защиту себя на самого ребенка, даже ставя ему в вину то, что ребенок недостаточно агрессивен: *«Почему ты им не отвечаешь, защищай себя»*. Семья может занимать и более явную позицию виктимблейминга, включаясь в травлю: *«Хуже стало, когда я пошла в семью за помощью, и на что они мне сказали: «Но ты же понимаешь, что из-за чего это, сама в этом виновата» и пошло такое, что «Тебе действительно надо быть другой»»*

Респонденты как агрессоры

В моменте описания себя как участника группы агрессоров респонденты апеллируют к «случайности» и «неосознанности» этой ситуации: *«Как-то так просто получилось, я сама до сих пор не понимаю как»*, *«Тогда я был слишком маленький, чтобы это осознать»*, *«В том возрасте, когда это происходило, это было скорее неосознанно, и сейчас уже спустя определенное количество лет это осознается»*, в качестве участника травли респонденты оказывались вовлеченными в ситуацию, она началась до

них: *«Разве что неосознанно, потому что я пришла в новый коллектив в художественной школе, и там изначально было прозвище у мальчика».*

В этих описаниях заметен контраст с обобщенными представлениями о том, кто такой агрессор – конструируются именно ситуации и обстоятельства, в которых сложилась ситуация, а не качества акторов.

Завершение ситуации травли

В большинстве случаев в нарративах отсутствует «завершение» травли как таковое, попытки предпринять что-либо для выхода из ситуации либо проваливались, либо делали хуже, так что в качестве жертв буллинга респонденты терпели его до момента естественного затихания, либо даже остаются подвергаемыми буллингу до сих пор. В тех случаях, когда все же буллинг прекратился, чаще всего это определяется следующими причинами: жертва проявляет физическую агрессию по отношению к травителям, «дает отпор», после чего ее начинают бояться трогать снова; жертва переводится в другую школу или переезжает; агрессоры «переросли» и даже извинились со временем, обычно в старших классах, в качестве наблюдателя – респонденты говорят о том, что защищали своих братьев/сестер от травли, поговорив с их агрессорами. В случае, когда речь идет об опыте жертвы, единственный вариант, в котором она описывает себя как субъект, действующий для защиты себя – физическое насилие в ответ на травлю. Во всех остальных случаях роль жертвы остается объектной – у детей и подростков нет ощущения, что они в силах поменять ситуацию, они сдаются после нескольких попыток, и ситуация может исправиться только благодаря действиям других.

Исследовательская рефлексия

- **Осведомленность старших школьников и молодежи о том, что такое травля**

Рабочей гипотезой было предположение о том, что подростки могут не понимать, что такое травля, не воспринимать ее всерьез и не обращать внимания на случаи травли в своем коллективе. Эта гипотеза не подтвердилась – все три группы показали высокую осведомленность, правильно определяли буллинг, хорошо знали о том, что он приводит к тяжелым последствиям для участников, включая самоубийства. Можно предположить, что большую роль в этом сыграла массовая культура – респонденты ссылались на популярные сериалы, в которых показывается травля, пересказывали известные им по СМИ случаи. В таком случае, полученный результат можно объяснить возрастом участников – преимущественно это старшие школьники и недавние выпускники, и популярный развлекательный контент, ориентированный на них и доступный им, хорошо поднимает и освещает подобные вопросы. Респонденты указывали, что большинство случаев травли, с которыми они сталкивались, происходили в младшем возрасте, и что в то время они могли не осознавать, что происходит.

- **Отсутствие значимой роли взрослых в ситуации травли и информировании о ней**

Рассказывая о травле, молодые люди не упоминают о том, чтобы взрослые когда-либо предупреждали их об этом явлении, никакой роли не играют и образовательные институты – ни одного сообщения о тематических классных часах в школе или другой подобной информации. В какой-то степени это ожидаемо – учитывая сложности в российской системе школьного образования, нагрузки на учителей и низкой мотивации, школы просто не в состоянии обеспечить ученикам подобные меры профилактики.

Притом, что ценность семьи высока для молодых людей, родители тоже не считаются ими как защита от травли. Единственная респондентка,

которая упоминает родителей в позитивном ключе, выглядит скорее как исключение из правил: *«Я бы всегда знала, что меня любят, что мои родители всегда есть и помогут в такой ситуации»*. Интересно, что она характеризуется также тем, что активно настроена защищать других от травли, и описывает подобный опыт в своей жизни – возможно, ощущение опоры на родительскую семью придает ей больше уверенности в своей правоте в таких ситуациях.

- **Ценность исторического военного опыта России**

Неожиданным для исследователя оказалось то, что тема войны возникла в контексте обсуждения гордости страной. Участие России в военных конфликтах прошлого (уместно предположить, что речь в основном идет о ВОВ) конструируется подростками как подвиг, подчеркивается, что Россия «не агрессор» сама по себе, но защищает свой народ и другие страны.

- **Кто такие «другие»?**

В проведенных фокус-группах не удалось раскрыть нарративы агрессоров-зачинщиков травли. Во всех случаях вовлеченности респонденты были готовы признаться только в том, что присоединились к ситуации, но не начали ее. Из их конструирования буллинга можно сделать вывод, что они оценивают позицию агрессора как плохую и постыдную – является ли это причиной того, что респонденты не готовы описывать свой опыт? Либо агрессоры – действительно «другие» люди, которых не удалось охватить в выборке?

- **«Семейные ценности» не конфликтуют с ценностями свободы, толерантности и ненасилия**

В процессе анализа материала исследователь столкнулся с личным предрассудком, который можно сформулировать как ожидание тесной связи

между «семейными ценностями» и консервативностью. Я предполагал, что респонденты, подчеркивающие важность традиций, патриотизма, семейных ценностей, будут сочетать это с консервативными взглядами, с неприятием ЛГБТИК+, идей равенства и толерантности, и наоборот – ориентированность на толерантность будет сочетаться с невысокой ценностью семьи. Эта гипотеза не подтвердилась – действительно, можно сказать, что усилия государственной политики по воспитанию патриотизма и семейных ценностей отчасти успешны, однако, респонденты считают ценностью *и* семью, *и* традиции, *и* толерантность. Семья и традиции наделены для них особым смыслом, не вступающим в противоречие с принятием другого опыта. Респонденты много говорят о недопустимости гомофобии, национализма и расизма, эйблизма, фэтфобии, сексизма – эти явления явно проблематизируются ими и заявляются на одном уровне с такими «общечеловеческими» проблемами, как коррупция, плохая система образования и безработица.

Возможные направления работы

- **Подготовка методичек или пошаговых инструкций для взрослых и детей о том, что делать в ситуации травли**

Анализируя то, как конструируется роль взрослых в нарративах о буллинге, можно сказать, что подростки видят их как некомпетентных в решении подобных проблем, не чувствуют, что их действия могут помочь, не готовы обращаться за помощью, потому что боятся ухудшения ситуации и негативной реакции. В качестве возможного «жеста помощи» подросткам могут выступать готовые инструкции, доступные в интернете, которые ребенок мог бы распечатать самостоятельно и передать взрослым. Инструкции могут содержать описания и определения травли, ее последствия, указывать на недопустимость обвинения пострадавшего

ребенка, контакты психологических служб и примерные сценарии работы с травлей для родителей и педагогов.

- **Работа с образом «агрессора»**

Конструируя образ агрессора определенным образом, как «плохого» человека с набором постоянных качеств, подростки могут в определенные моменты не ассоциировать собственные поступки с травлей, не осознавать, что сами являются агрессорами. Нормализация ситуации травли и давление сверстников («все вокруг так делают или молча наблюдают») вкупе с представлением о том, что травят только «плохие» люди, создает замкнутый круг, в котором подростку сложно отразить собственное поведение. В качестве решения этой проблемы предлагается фокус на том, как видели ситуацию травли бывшие агрессоры, пересборка образа в пользу большего акцента на то, что многие люди в определенных ситуациях втягиваются в травлю, но эти ситуации не повод для навешивания ярлыка на человека.

- **Работа с субъектностью**

Ребенок или подросток в российской школе – человек-объект, за него принимают решения учителя и родители, с ним происходит нечто, но очень редко когда он сам выступает субъектом действия. Страх обратиться за помощью к родителям или учителям (помимо сомнений в их компетентности) может быть связан также со страхом еще большего ограничения своей субъектности – взрослые, вмешавшись в ситуацию, снова будут единолично принимать решения о том, что нужно делать.

Акцент на субъектности подростка, на его праве принимать решения касательно своей жизни, акцент на том, каких изменений (даже самых маленьких) он может добиться может увеличить чувство

самоэффективности жертвы травли и помочь справиться с ситуацией или облегчить ее в самых сложных случаях (когда обращение к взрослым для него невозможно). При работе с взрослыми необходимо указывать на обязательность включения детей и их мнения в решение проблемы, без разговоров «за закрытыми дверями» между родителями и персоналом школы.

- **Вовлечение родителей и старших школьников в работу над профилактикой**

Информация о том, что такое травля, как она работает, и что с ней может столкнуться каждый должна доноситься до детей как можно раньше, до того, как ребенок окажется вовлеченным в подобную ситуацию. Возможно составление рекомендаций для родителей о том, как правильно говорить с детьми о травле, начиная с младшего школьного возраста. С учетом того, что старшие школьники оказываются более подкованными в вопросах травли, узнавая о ней из медиа, сериалов и т.д., можно подключить их к работе с младшими школьниками. В ситуации, когда учителя оказываются недостаточным авторитетом для учащихся, особенно в средней школе, слишком загружены бюрократической работой, информационные классные часы о буллинге, проводимые старшими школьниками могут производить благоприятный эффект.

Литература

1. A Brief History of the Olweus Bullying Prevention Program // Сайт фонда «Violence Prevention Works» (http://www.violencepreventionworks.org/public/olweus_history.page).

Просмотрено 15.10.2019

2. Allanson P. B., Lester R. R., Notar C. E. A history of bullying //International Journal of Education and Social Science. – 2015. – T. 2. – №. 12. – C. 31-36.
3. Barlett C. P., Gentile D. A., Chew C. Predicting cyberbullying from anonymity //Psychology of Popular Media Culture. – 2016. – T. 5. – №. 2. – C. 171.
4. Brown E. C. et al. Outcomes from a school-randomized controlled trial of steps to respect: A bullying prevention program //School Psychology Review. – 2011. – T. 40. – №. 3.
5. Carlisle N., Rofes E. School bullying: Do adult survivors perceive long-term effects? //Traumatology. – 2007. – T. 13. – №. 1. – C. 16-26.
6. Crawford N. New ways to stop bullying //Monitor on psychology. – 2002. – T. 33. – №. 9. – C. 64.
7. Farrington D. P., Ttofi M. M. School-based programs to reduce bullying and victimization //Campbell systematic reviews. – 2009. – T. 5. – №. 1. – C. i-148.
8. Gray L. A. Educational Trauma //Educational Trauma. – Palgrave Macmillan, Cham, 2019.
9. Hinduja S., Patchin J. W. Bullying, cyberbullying, and suicide //Archives of suicide research. – 2010. – T. 14. – №. 3. – C. 206-221.
10. Menesini E., Salmivalli C. Bullying in schools: the state of knowledge and effective interventions //Psychology, health & medicine. – 2017. – T. 22. – №. sup1. – C. 240-253.
11. Minton S. J. Prejudice and effective anti-bullying intervention: Evidence from the bullying of “minorities” //Nordic Psychology. – 2014. – T. 66. – №. 2. – C. 108-120.
12. Nansel, Tonja R., Mary Overpeck, Ramani S. Pilla, W. June Ruan, Bruce Simons-Morton, and Peter Scheidt. “Bullying Behaviors Among US Youth: Prevalence and Association with Psychosocial Adjustment.” Journal of the American Medical Association 285, no. 16 (April 25, 2001): 2094–2100.
13. Olweus D. A useful evaluation design, and effects of the Olweus Bullying Prevention Program //Psychology, Crime & Law. – 2005. – T. 11. – №. 4. – C. 389-402.
14. Olweus D. Cyberbullying: An overrated phenomenon? //European Journal of Developmental Psychology. – 2012. – T. 9. – №. 5. – C. 520-538.
15. Olweus D., Limber S. P. Some problems with cyberbullying research //Current opinion in psychology. – 2010. – T. 19. – C. 139-143.

16. Poteat V. P., DiGiovanni C. D. When biased language use is associated with bullying and dominance behavior: The moderating effect of prejudice // *Journal of youth and adolescence*. – 2010. – T. 39. – №. 10. – С. 1123-1133.
17. Reuter-Rice K. Male adolescent bullying and the school shooter // *The Journal of School Nursing*. – 2008. – T. 24. – №. 6. – С. 350-359.
18. Rigby K. What harm does bullying do // *Children and Crime: Victims and Offenders Conference convened by the Australian Institute of Criminology and held in Brisbane*. – 1999. – С. 17-18.
19. Salmivalli C., Kärnä A., Poskiparta E. Counteracting bullying in Finland: The KiVa program and its effects on different forms of being bullied // *International Journal of Behavioral Development*. – 2011. – T. 35. – №. 5. – С. 405-411.
20. Sharp S. How much does bullying hurt? The effects of bullying on the personal wellbeing and educational progress of secondary aged students // *Educational and Child psychology*. – 1995.
21. Smokowski P. R., Kopasz K. H. Bullying in school: An overview of types, effects, family characteristics, and intervention strategies // *Children & Schools*. – 2005. – T. 27. – №. 2. – С. 101-110.
22. Solberg, Mona E., and Dan Olweus. “Prevalence Estimation of School Bullying with the Olweus Bully/Victim Questionnaire.” *Aggressive Behavior* 29 (2003): 239–68.
23. Sommer F., Leuschner V., Scheithauer H. Bullying, romantic rejection, and conflicts with teachers: The crucial role of social dynamics in the development of school shootings—A systematic review // *International Journal of Developmental Science*. – 2014. – T. 8. – №. 1-2. – С. 3-24.
24. Thornberg R., Jungert T. Bystander behavior in bullying situations: Basic moral sensitivity, moral disengagement and defender self-efficacy // *Journal of adolescence*. – 2013. – T. 36. – №. 3. – С. 475-483.
25. Ttofi M. M., Farrington D. P. Effectiveness of school-based programs to reduce bullying: A systematic and meta-analytic review // *Journal of Experimental Criminology*. – 2011. – T. 7. – №. 1. – С. 27-56.
26. Vanderbilt D., Augustyn M. The effects of bullying // *Paediatrics and child health*. – 2010. – T. 20. – №. 7. – С. 315-320.
27. Waasdorp T. E., Bradshaw C. P. The overlap between cyberbullying and traditional bullying // *Journal of Adolescent Health*. – 2015. – T. 56. – №. 5. – С. 483-488.

28. Why the Olweus Bullying Prevention Program Works //Clemson University website
(https://olweus.sites.clemson.edu/Training%20Materials/Miscellaneous_Resources/Why%20the%20OBPP%20Works.pdf). Просмотрено: 19.10.2019
29. Wolke D., Lereya S. T. Long-term effects of bullying //Archives of disease in childhood. – 2015. – Т. 100. – №. 9. – С. 879-885.
30. Zych I. et al. Protecting children against bullying and its consequences. – Basel, Switzerland: : Springer International Publishing, 2017.
31. Бочавер А. А., Хломов К. Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий //Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11. – №. 3.
32. Бурилкина С. А., Каминский А. С., Супрун Н. Г. Изучение ценностей и ценностных ориентаций студенческой молодежи в трансформирующемся обществе //Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – №. 10.
33. Бутенко В. Н., Сидоренко О. А. Буллинг в школьной образовательной среде: опыт исследования психологических особенностей «обидчиков» и «жертв» //Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. ВП Астафьева. – 2015. – №. 3 (33).
34. Галыкина Ю. О поколении Крыма, прагматичном патриотизме и исчезновении готов//The Village. - 2015
(<https://spb.hse.ru/press/146967207.html>) Просмотрено 19.10.2019
35. Зинцова А. С. Социальная профилактика кибербуллинга //Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2014. – №. 3 (35).
36. Коповая О. В. Новые формы девиантного поведения подростков в современном информационном обществе //Пензенский психологический вестник. – 2016. – №. 1.
37. Макарова Е. А., Макарова Е. Л., Махрина Е. А. Психологические особенности кибербуллинга как формы интернет-преступления //Российский психологический журнал. – 2016. – Т. 13. – №. 3.

- 38.Новикова М. А., Реан А. А. Влияние школьного климата на возникновение травли: отечественный и зарубежный опыт исследования //Вопросы образования. – 2019. – №. 2.
- 39.Омельченко Е. Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – №. 1 (149).
- 40.Петронюк И. С. Влияние социально-психологической адаптации подростков на становление их системы ценностей //Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. – 2015. – №. S.
- 41.Рослякова С. В., Пташко Т. Г., Черникова Е. Г. Особенности социализации современных подростков //Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – №. 4 (25).
- 42.Собкин В. С., Смылова М. М. Буллинг в стенах школы: влияние социокультурного контекста (по материалам кросскультурного исследования) //Социальная психология и общество. – 2014. – Т. 5. – №. 2. – С. 71-86.
- 43.Солдатова Г. У., Зотова Е. Ю. Зона риска. Российские и европейские школьники: проблемы онлайн-социализации //Дети в информационном обществе. – 2011. – Т. 7. – С. 81-87.
- 44.Хломов К. Д., Давыдов Д. Г., Бочавер А. А. Кибербуллинг в опыте российских подростков //Психология и право. – 2019. – Т. 9. – №. 2. – С. 276-295